

УДК 94(73)"19"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/9

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУСИНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США В КОНЦЕ XIX в.

Ю.Г. Акимов¹, К.В. Минкова²

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

¹E-mail: yga_sir@mail.ru

²E-mail: kristina_minkova@mail.ru

Авторское резюме

Первые эмигранты-русины появились в странах заднего полушария еще в 1860-е гг. В последующие несколько десятилетий отток населения из Закарпатья и Лемковщины за океан неуклонно усиливался. Тысячи измученных нищетой русинов покидали «Старый край» в поисках лучшей доли. Кто-то ехал в Канаду, кто-то – в экзотическую Бразилию, однако большая часть направлялась в Соединенные Штаты, где уже в 1890-е гг. образовалась достаточно крупная русинская диаспора.

В настоящей статье мы рассмотрим начальный этап формирования русинской диаспоры в США (пришедшийся на последние десятилетия XIX в.), проанализируем специфику данного процесса, выясним, чем именно и в какой степени русинская диаспора отличалась от других этнических диаспор, складывавшихся в то же время, в чем заключались ее сильные и слабые стороны. Данный сюжет представляет большой научно-практический интерес, учитывая ту весьма заметную роль, которую американская русинская диаспора сыграла в истории русинов в XX в.

Ключевые слова: русины, диаспора, иммиграция, униатство, религия, церковь.

SPECIFICITY OF FORMATION OF RUSYN DIASPORA IN THE UNITED STATES IN THE LATE XIX-th CENTURY

Y.G. Akimov¹, K.V. Minkova²

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

¹ E-mail: yga_sir@mail.ru

² E-mail: kristina_minkova@mail.ru

Abstract

First Rusin (Rusyn, Ruthenian) emigrants appeared in the Western Hemisphere in the 1860s. In the next few decades due to population outflow, Trans-Carpathian and Lemko migration overseas has steadily increased. Thousands of exhausted pauper Rusins leave «Old land» in search of a better life. Someone went to Canada, someone – to exotic Brazil, but most often they directed to the United States, where a rather big Rusin diaspora has formed by the 1890s. In this article we look at the initial stage of formation of Rusin diaspora in the United States (i.e. to the last decades of the XIX c.), analyze the specifics of the process, find out how and to what extent the Rusin diaspora was different from other ethnic diasporas of that period, what were its strengths and weaknesses. This subject is of great scientific and practical interest, given the very significant role the US Rusin diaspora played in Rusin history of the twentieth century.

Keywords: Rusin, Rusyn, Ruthenian, diaspora, immigration, Greek Catholicism, religion, Church.

Говоря о диаспоре, следует прежде всего определиться с тем, что мы будем понимать под этим термином. Как заметил ведущий российский исследователь диаспор В.И. Дятлов, сам термин «диаспора» практически всегда употребляется в научном обороте без пояснений, поскольку предполагается, что он имеет единственное широко известное значение, в то время как на деле «слово это используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений» (Дятлов 1999: 8).

Если первоначально понятие «диаспора» («рассеяние») относилось исключительно к еврейскому народу, то сегодня диаспорой часто называют любую этническую и/или религиозную группу, проживающую вне ее исторической территории. Однако специалисты выступают против такого расширенного толкования данного термина. С точки

зрения Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, «диаспора – это *устойчивая* совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и *имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности*» (курсив наш. – Ю.А., К.М.) (Тощенко, Чаптыкова 1996: 37).

Для того чтобы какое-либо сообщество иммигрантов стало диаспорой, оно, во-первых, должно обладать устойчивостью / стабильностью. Этим качеством русины в США, как мы увидим ниже, безусловно, обладали, несмотря на наличие в их среде серьезных разногласий и даже конфликтов по религиозным и политическим вопросам. Во-вторых, этому сообществу необходимы «социальные институты для развития и функционирования». Русины такие институты создали очень быстро. Все это позволило им, с одной стороны, сохраниться в качестве этнокультурной / этноконфессиональной группы и не раствориться полностью в американском «плавильном котле». С другой стороны, они смогли успешно адаптироваться к новым для них заокеанским условиям, поступательно развиваться и за короткий срок из кучки бедных, малообразованных и аполитичных иммигрантов превратиться в сплоченное сообщество, успешно отстаивавшее свои интересы и заставлявшее окружение с собой считаться.

Следует отметить, что русины были в известном смысле хорошо подготовлены к образованию устойчивой диаспоры. Исторически они проживали относительно компактно, но при этом постоянно контактировали с другими народами, никогда не имели собственной государственности и каких-либо светских национальных социально-политических институтов, на которые они могли бы рассчитывать. Среди них были сильны традиции взаимопомощи, выражавшиеся в первую очередь в создании разного рода братств, решавших как религиозные, так и вполне мирские задачи. Все это оказалось чрезвычайно востребованным в условиях Соединенных Штатов конца XIX в.

Важным фактором консолидации эмигрантского сообщества является его особое отношение и привязанность к исторической родине – реальной или трансформировавшейся в некий «идеальный образ». По замечанию В.И. Дятлова, это является как «моральной опорой» диаспоры, так и оправданием предпринимаемых ею усилий по «сохранению идентичности» (Дятлов 1999: 11). Все это также присутствовало у русинской диаспоры. Многие русины рассматривали свой отъезд за океан прежде всего как единственный способ оказания экономической помощи своей семье и родственникам, оставшимся в «Старом краю».

Как это ни парадоксально, для успешного формирования устойчивой диаспоры совершенно не требуется изоляции ее потенциальных членов от общества той страны, в которой они оказались, от ее языка, культуры, политики и т. п. Наоборот, подобная изоляция может препятствовать данному процессу. В качестве примера можно привести русскую послереволюционную иммиграцию во Франции (и в других европейских странах). Значительная часть русских эмигрантов первого поколения жила исключительно российскими интересами, противопоставляла себя окружающему обществу и не стремилась в него интегрироваться. Второе же поколение почти без следа растворилось в нем (остались лишь отдельные «реликты») и полностью «офранцузилось». При этом происходил радикальный разрыв межпоколенческих внутрисемейных связей: родители жили малопонятными для детей категориями «прошлой» жизни в уже несуществующей стране, любовь и привязанность к которой они пытались передать детям, чего те были просто не в состоянии адекватно воспринять. Конечно, это было обусловлено спецификой русской эмиграции, носившей ярко выраженный политический характер, тогда как русинская эмиграция была обусловлена в первую очередь экономическими факторами. Это побуждало русинов стремиться к материальному успеху, для чего были необходимы одновременно и поддержание внутриобщинных связей, и адаптация к условиям принимающего общества, изучение языка и т. п. Соответственно это приводило к формированию «человека диаспоры», в котором ценности и обычаи новой родины удивительным образом уживались с приверженностью к традициям предков.

В последние десятилетия XIX в. приток иммигрантов в Соединенные Штаты резко возрос; в первом десятилетии XX в. он достиг своего пика, остававшегося непревзойденным вплоть до 1990-х гг. Это была так называемая Великая волна иммиграции, насчитывавшая в общей сложности около 25 млн человек. Большинство из них составляли выходцы из стран Южной, Центральной и Восточной Европы.

Представителям Великой волны (при всей ее внутренней пестроты и разнообразии) были присущи некоторые общие черты, которые явно отличали их от «старых иммигрантов» – немцев, ирландцев, голландцев, скандинавов, приехавших в США в 1820–1880-е гг. Последние (за исключением ирландцев) были преимущественно протестантами, имели достаточно высокий уровень образования и профессиональной подготовки. Многие из них привозили с собой более или менее значительные денежные суммы, позволявшие сразу завести фермерское хозяйство или заняться мелким бизнесом. «Старые иммигранты» не испытывали больших проблем с адаптацией и

достаточно легко и безболезненно влились в американское общество (определенные проблемы были только у ирландцев, но и они к концу XIX в. в целом были преодолены). В Великой волне все было не так. В конфессиональном плане она как минимум на 2/3 состояла из католиков, униатов, православных и иудеев. Уровень образования большинства ее представителей был чрезвычайно низок (более половины не умели читать на своем родном языке); квалификацией они не обладали, о каком-либо уровне политической культуры речь не шла. В своей массе это были бедняки, не только не имевшие при себе никаких средств, но часто обремененные долгами, связанными с оплатой проезда.

Русины были одной из составляющих этой Великой волны, и им были присущи многие из вышеперечисленных черт. Как уже отмечалось, первые выходцы из Закарпатья и Лемковщины появились в США еще в 1860-е гг., однако относительно заметной их иммиграция из «Старого края» стала в конце 1870-х – начале 1880-х гг. Это было обусловлено несколькими факторами различного свойства. С американской стороны – деятельностью иммиграционных агентств (о них см. ниже); со «старокраевой» – целым комплексом социально-экономических причин.

В последней трети XIX в. русинские земли являлись депрессивным аграрно-сырьевым придатком австро-венгерского имперского центра, а сами русины оставались исключительно аграрным обществом, которое практически не затронул промышленный переворот. Абсолютное большинство русинов жило в деревнях и занималось сельским хозяйством. В городах русины появлялись спорадически, в качестве сезонных работников на «отхожих промыслах». География их перемещений была крайне ограниченной. Наметившийся во второй половине XIX в. рост численности русинского населения вкупе с разрешением властей делить земельные участки между любым количеством наследников привел к парцелляции и обезземеливанию и, как следствие, к заметному падению и без того невысокого уровня жизни русинов. В интересующий нас период по уровню доходов на душу населения, а также по уровню потребления русинские земли в разы уступали другим регионам Австро-Венгрии. Как отметил Ф. Свистун, «несчастных братьев наших карпатотороссов гнали в Америку не «бизнес», а небывало тяжелые общественно-экономические условия в Австро-Венгрии: материальная нужда, высокие налоги, а главное – высокая цена американского доллара...» (Свистун 1970: 480).

Что касается Закарпатья, то к перечисленным экономическим и демографическим проблемам в этом регионе добавлялось усиливавшееся

ассимиляционное давление на русинов со стороны венгерских властей (как светских, так и духовных), стремившихся к их мадьяризации. В частности, стала внедряться практика подготовки русинских священников в венгерских семинариях. Священники составляли основу немногочисленной русинской интеллигенции, были хранителями национальных традиций и устоев, и поэтому из них и старались, по выражению современника, «искоренить язык и самосознание». В определенной степени это принесло свои плоды: часть русинских священников превратилась в «мадьяронов» – сторонников и проводников венгерского языка и культуры. Такая политика венгерских властей была ответом на начавшее проявляться среди закарпатских русинов национальное движение, часто носившее демонстративно пророссийский характер. Не следует также забывать о росте венгерского национализма и негативном отношении значительной части венгров к России после известных событий 1849 г.

Помимо перечисленных факторов, немаловажным стимулом к эмиграции стало появление в районах исторического проживания русинов железных дорог, в результате чего потенциальным иммигрантам стало существенно легче и проще добираться до основных европейских портов, откуда ходили пароходы в Соединенные Штаты. Первоначально русины выезжали в основном через немецкие порты (Бремен, Гамбург); а после 1903 г. – через венгерский порт Фиуме (Риеку) на Адриатике либо через румынскую Констанцу (Magocsi, Handlin, Novak 2004: 15).

Уже в 1884 г. в «Старом крае» было известно о наличии в США группы эмигрантов-русинов. В местных газетах (в частности, в галицко-русской газете «Дело») сообщали о значительных (до нескольких тысяч долларов) денежных суммах, поступавших из Америки родным и близким эмигрантов (Матросов 1897: 484). В том же году церковным властям во Львове поступила первая просьба прислать в Америку униатского священника (от русинов города Шенандоа, штат Пенсильвания).

С 1890-х гг. иммиграция русинов приобрела массовый характер. По свидетельству С. Кичура, за двадцать лет (1894–1914 гг.) «из многих сел Галицкой Лемковщины и западных областей Угорской Руси (Пряшевщины) переселилось в Америку до 50 % всех жителей» (Кичура 1943: 25). Кстати, это оказывало в целом позитивное воздействие на социально-экономическую ситуацию в «Старом крае», где многие русины смогли улучшить свое положение благодаря присылаемым из-за океана средствам (Шевченко 2010: 97). Данное обстоятельство роднило русинскую иммиграцию с некоторыми другими, в частности с итальянской (в конце XIX – начале XX в. средства, присылаемые

итальянскими иммигрантами из США на родину, вносили очень существенный вклад в экономику Италии) (Barkan 2013: 438).

Изучение количественных показателей русинской диаспоры (как и ряда других диаспор, появившихся в период Великой волны) существенно затрудняет несовершенство американской статистики того времени. В документах иммиграционного ведомства США не фиксировалось этническое происхождение лиц, прибывавших в страну. При въезде новоприбывшим задавались только вопросы о языке, вероисповедании и национально-государственной принадлежности; причем это касалось только пассажиров третьего класса, об остальных сведения вообще не собирались (правда, абсолютное большинство русинов ехало именно третьим классом). В результате многие русины из Закарпатья называли себя «венграми», при этом указывая на свою «греческую» или «русскую» веру и «славянский» язык. Выходцы из Лемковщины часто называли себя австрийцами или поляками. Нередки бывали случаи, когда русинов записывали как русских. Последнее могло быть связано как с тем, что они действительно называли себя русскими, так и с тем, что неискушенные в этнографии американские чиновники просто ориентировались на созвучие слов *Rusyn*, *Ruthenian* и *Russian*.

Следует сразу признать, что установить точное количество русинских иммигрантов, прибывших в США до 1914 г., не представляется возможным. Первые попытки определить численность карпатских русинов в Америке были предприняты в конце 1880-х – начале 1890-х гг. (когда началась наиболее активная фаза их иммиграции из Европы), однако при этом не учитывались те русинские переселенцы, которые оказались в Северной Америке в предшествующие десятилетия. Австрийская статистика еще менее совершенна, поскольку значительная часть (по некоторым данным, до половины) русинских иммигрантов выезжала нелегально, опасаясь противодействия властей. Наиболее распространенной является та точка зрения, что всего до начала Первой мировой войны в США въехало порядка 200–225 тыс. русинов (всего за период с 1877 по 1924 г. – 261 тыс.) (Olson, Olson 2010: 137).

Что касается интересующих нас 1890-х гг., то здесь большинство специалистов сходится на том, что к концу этого десятилетия в США проживало уже не менее 200 тыс. восточных славян из Австро-Венгрии. Их принято подразделять на две группы – меньшая по численности, состоявшая из выходцев из Угорской Руси, и большая – состоявшая из выходцев из Галицкой Руси. С первой группой ситуация более или менее ясна – в этническом плане в ней явно преобладали русины (кроме них там было еще только небольшое количество

словаков). Сложнее ситуация со второй группой – в нее входили представители различных этнических групп, и определить процент русинов там достаточно сложно.

По подсчетам Э.Дж. Шипмана, сделанным в начале XX в., в штате Пенсильвания (являвшемся в то время основным очагом притяжения русинской и вообще славянской иммиграции) в 1880 г. было около тысячи русинов, в 1890 г. – 20 тыс., в 1900 г. – 40 тыс. (Shipman 1904: 575–576). Однако эти данные (особенно последняя цифра) представляются заниженными, поскольку Шипман в своих подсчетах ориентировался преимущественно на конфессиональные показатели и не учитывал русинов, перешедших в православие.

О структуре занятости русинских иммигрантов можно судить по данным американской статистики начала XX в. Согласно этим данным, 41 % «рутенгов», приехавших из Австро-Венгрии, были заняты в сельском хозяйстве (преимущественно как сельскохозяйственные рабочие; фермеров было очень мало), 22 % – в производстве, 20 % работали в качестве домашней прислуги. Лишь 2 % составляли квалифицированные ремесленники, менее 1 % являлись профессионалами в той или иной области и не более 0,5 % работали в торговле. Среди иммигрантов-русинов был налицо гендерный дисбаланс – мужчины составляли 71 %; процент иждивенцев был крайне невелик – только 13 % иммигрантов составляли неработающие женщины и дети, не достигшие трудоспособного возраста. Образовательные показатели у русинов были еще хуже, чем в среднем по всей Великой волне: только 33 % из них умели читать и писать (Magocsi, Handlin, Novak 2004: 16).

Как уже отмечалось выше, на характер русинской иммиграции в США и соответственно на особенности формирования сложившейся там русинской диаспоры большое влияние оказали ее побудительные мотивы. В отличие от массово переселявшихся в то время в Америку восточноевропейских евреев или поляков, значительная часть, если не подавляющее большинство русинов на первых порах считали свой переезд за океан чем-то вроде «отхожего промысла» и намеревалась, накопив достаточную сумму денег для покупки земли на родине, возвратиться в «Старый край». Некоторые по несколько раз совершали путешествия домой и затем снова ехали в Америку (до конца XIX в. американские иммиграционные законы это позволяли). Соответственно русинские иммигранты отличались от других иммигрантов рассматриваемого периода низкой заинтересованностью в ассимиляции, вовлечении в политическую жизнь, профессиональном росте, улучшении бытовых условий, изучении языка и т. п. Главным для них было «продержаться» некоторое время, не обращая существенного внимания на окружающую обстановку.

Рассматривая географию русинской иммиграции в США, нетрудно заметить ее явно выраженное «ядро» в штате Пенсильвания. Журналист Антон Тышкевич (писавший под псевдонимами граф Лелива и Е.Н. Матросов) отмечал: «Живописная Пенсильвания – это сосредоточие и сердце всего американского славянства вообще и американской Руси в частности. Славянство составляет здесь часть населения, численно столь преобладающую, что с полным основанием штат этот может быть наименован славянским. Вся Русь, общая численность которой в пределах Соединенных Штатов ныне превышает 200 тысяч, что составит вскоре около половины численности Угорской Руси в Австро-Венгрии, населяет главнейшим образом Пенсильванию» (Матросов 1897: 478).

И в российской, и в зарубежной историографии считается, что главной причиной массовой иммиграции русинов именно в Пенсильванию было обилие там горнодобывающих предприятий и шахт, на которые требовалась в большом количестве неквалифицированная рабочая сила. Однако в конце XIX в. множество центров горнодобывающей промышленности США находилось и за пределами Пенсильвании. Дело было не только в этом.

Исторически на шахтах Пенсильвании было много ирландских рабочих. Среди них с 1860-х гг. действовала тайная организация «Молли Магуайрс», сочетавшая в себе черты террористической группировки, мафиозной структуры и рабочего союза. Деятельность этой организации доставляла множество неудобств владельцам угольных шахт, которые пытались различными способами с ней покончить. В частности, практиковались массовые увольнения ирландцев с наиболее «беспокойных» шахт. Однако в этих случаях срочно требовались новые рабочие, причем желательно не имевшие ничего общего с ирландцами, а еще лучше – просто не способные с ними объясняться. Именно для этой цели в 1876–1877 гг. агенты пенсильванских горнорудных компаний начали вербовать работников из Закарпатья (Проско 1975).

Не зная этой подоплеки, русины не раз становились жертвами столкновений с хорошо организованными (а порой и вооруженными) ирландцами, обвинявшими их в штрейкбрехерстве. Большую известность приобрел инцидент, произошедший в городе Олифанте. Там ирландцы ночью подожгли дом (общежитие), где жили рабочие-русины, и подперли двери. Когда те проснулись и попытались выскочить из дома, по ним начали стрелять (Матросов 1897: 485).

В жизни практически любой устойчивой диаспоры чрезвычайно важную роль играет церковь. В условиях иммиграции она часто становится важнейшим (а иногда и единственным) институтом, вокруг которого и происходят формирование и развитие диаспоры. При этом

сама церковь начинает выполнять множество социальных и просветительских функций, которые были не свойственны ей в стране исхода. Она также становится основным местом для общения и поддержания связей с соотечественниками. Соответственно принадлежность к церкви становится для иммигрантов насущной необходимостью, а порой и условием выживания.

Что же касается самой церкви, то она также, как правило, существенно трансформируется, поскольку оказывается в новой для себя ситуации. Во-первых, как уже было отмечено, церковь вынужденно или добровольно берет на себя ряд мирских функций; во-вторых, она оказывается в ситуации религиозного многообразия, в-третьих, она теряет поддержку государства и господствующих классов общества (что было характерно для многих церквей в Европе) и становится гораздо более зависимой от содержащих ее прихожан. Все это происходило в XIX в. в Соединенных Штатах с католической церковью (этот процесс получил название «американизация католицизма») и в существенно меньших масштабах – с православием и иудаизмом (Филатов 1993).

У русинов в США ситуация была во многом исключительной. Практически все выходцы из Закарпатья и Лемковщины на момент иммиграции были католиками восточного обряда (греко-католиками / униатами). При этом сами русины считали свою веру «русской» и рассматривали ее как важнейший индикатор своей национальной идентичности. Именно греко-католическое вероисповедание отличало русинов от других славянских иммигрантов Великой волны – поляков, чехов, словаков, а также от других выходцев из дунайской монархии – австрийцев и венгров. Как не без удивления заметил Е.Н. Матросов, «вероисповедание греко-католическое, или униатское является здесь [в Америке] безошибочным признаком русской народности» (Матросов 1897: 481).

В отличие от католической (и православной), греко-католическая церковь в Европе нигде не имела какого-либо привилегированного положения, не опиралась на власть и сама не служила ее опорой. С этой точки зрения она была гораздо лучше подготовлена к существованию в американских реалиях. Однако если католицизм в конце XIX в. уже пустил в США достаточно глубокие корни и стал религией миллионов американцев (да и православная миссия имела длительную историю, хотя самих православных было немного), то униатство было абсолютно новым и чуждым явлением. При этом парадоксальным образом первым униатским священникам, прибывшим в США, пришлось столкнуться не с противодействием протестантского большинства, а с противодействием местного католического духовенства

(преимущественно ирландского происхождения). Последнее, еще сравнительно недавно сталкивавшееся с сильными антикатолическими настроениями, крайне враждебно отнеслось к появлению католических священников восточного обряда.

Особенно сильное неприятие у католических иерархов США вызывало отсутствие у тех целибата. Так, когда в Пенсильванию прибыл первый униатский священник-русин – о. Иван Волянский, местное католическое начальство потребовало его отзыва. В дальнейшем оно стало добиваться от Ватикана того, чтобы впредь в Америку присылались только неженатые греко-католические священнослужители. В 1890 г. была издана декреталия, запрещающая женатым «рутенским» священникам проживать в США. Однако благодаря упорству и смелости о. Волянского в Пенсильвании стали проводиться униатские богослужения. Сначала они происходили в снимаемых для этой цели помещениях, а в 1886 г. в Шенандоа было закончено строительство церкви (Volyansky 1912). В последующие несколько лет были построены униатские храмы в других рабочих городках Пенсильвании: Кингстоне, Фриланде, Шамокине, Хэзлтоне, а также в Миннеаполисе (Миннесота) и Джерси-сити (Нью-Джерси) (Magocsi, Handlin, Novak 2004: 26). Все церкви строились почти исключительно на пожертвования прихожан, часто отдававших ради этого свои последние сбережения. Как отмечал в середине 1890-х гг. Филипп Свистун, «едва соберутся в какой-нибудь местности несколькона-дцать карпатороссов, они тотчас стоят с крайним истощением своих средств строити каменную церковь и пишут в Старый край о назначении им священника. Церкви их действительно красивы, насколько возможно в русском стиле» (Свистун 1970: 441). К 1896 г. в США насчитывалось 29 униатских священников, в своем большинстве русинов из Мукачевской и Пряшевской епархий (это не считая тех священников, которые перешли в православие – см. ниже).

Появление своих собственных «национальных» церквей способствовало дальнейшей консолидации русинской диаспоры. При церквях стали возникать «братства», общества взаимопомощи, народные кассы, читальни, клубы и т. п. Усилиями о. Волянского в Шенандоа началось издание газеты «Америка» (выходила в 1886–1890 гг.) – первого в США печатного «органа для русинских иммигрантов из Галиции и Венгрии». Во многом благодаря этой газете иммигранты-русины стали получать информацию о событиях американской общественно-политической жизни и в том числе о рабочем и профсоюзном движении. С 1887 г. русины стали вступать в «Орден рыцарей труда» и принимать участие в забастовочном движении вместе с рабочими других национальностей (Prosko 1975: 142).

В начале 1892 г. было создано первое крупное объединение иммигрантов-униатов в США – Соединение русских греко-католических братств, или, по-английски, Греко-католический союз (Greek Catholic Union), который стал издавать газету «Американский русский вестник». Оно было построено по конфессиональному принципу и объединяло преимущественно русинов и галичан (плюс некоторое количество словаков, так как католики туда тоже допускались). Первым председателем соединения стал Иван Жинчак-Смит, уроженец Пряшевщины. Некоторые современники определяли направленность этой организации как «старорусскую», понимая под этим, что соединение не стоит ни на пророссийских (москалефильских), ни на украинофильских позициях (Свистун 1970: 441). В то же время российская критика обвиняла его руководителей (особенно Павла Жатковича, первого главного редактора «Американского русского вестника») в «мадьяронстве».

Следует отметить, что в начале 1890-х гг. негативное и высокомерно-пренебрежительное отношение католиков к униатам сохранялось, что приводило к разнообразным конфликтам. Так, бывали случаи, когда униатов отказывались отпевать в католических церквях и вообще хоронить на католических кладбищах. В 1893 г. американские католические епископы пытались добиться для США полного запрета на совершения богослужений по восточному обряду, рассчитывая таким образом превратить большинство униатов в «обычных» католиков. Однако все это привело к обратной реакции. С начала 1890-х гг. в Соединенных Штатах началась волна массовых переходов униатов в православие. Исходной точкой послужили события в городке Уилкс-Бери (часто его неправильно называют Вилкс-Барр), штат Миннесота. Там в марте 1891 г. о своем переходе в православие (в юрисдикцию РПЦ) заявил местный греко-католический священник-русин о. Алексей Товт, которого поддержало большинство его прихожан. Следует отметить, что это вызвало известную растерянность у русских церковных властей как в Америке (тогда единственная епископская кафедра РПЦ находилась в Сан-Франциско, а основу ее паствы составляло православное население Аляски – бывшей Русской Америки), так и в России, где этого совершенно не ожидали (Американский православный вестник 1914). Только спустя более полутора лет – в конце 1892 г. – была получена соответствующая санкция Священного синода, и переход был официально оформлен. В последующие годы в православие перешло еще несколько приходов (в Олифанте, Олдфордже, Мейфилде и др.), насчитывавших до 40 тыс. прихожан.

Эти события сильно повлияли на русинскую диаспору, которая таким образом разделилась по конфессиональному признаку. Пере-

ход Товта и его последователей в православие вызвал негативную реакцию остальных греко-католических священников и руководства Соединения русских греко-католических братств. В 1893 г. оно исключило из своего состава все братства, ставшие к тому времени православными. В то же время «схизма Товта» в итоге заставила Ватикан и американский католический епископат смягчить свою позицию по отношению к униатству в США. Впрочем, в начале XX в. борьба вокруг контроля над униатскими приходами продолжалась – в нее включились венгерские власти, опасавшиеся (не совсем безосновательно), что переходы униатов в православие могут начаться и в самом Закарпатье.

Именно в контексте вышеизложенных событий следует рассматривать создание в США в середине 1890-х гг. новых организаций, объединявших восточнославянских иммигрантов (Ручкин 2007). Так, в 1894 г. в Шамокине был создан Русский народный союз (Russian National Union), печатным органом которого стала газета «Свобода». Первоначально он мыслился как объединение, открытое для всех иммигрантов восточнославянского происхождения независимо от их вероисповедания, т. е. одновременно для униатов, православных и католиков. В частности, в него был принят о. Товт и его приход. Однако уже через несколько лет эта организация приобрела ярко выраженный украинофильский характер, что отразилось в том числе на смене ее названия. В 1898 г. Русский народный союз был переименован в «Рускій», затем в 1907 г. – в «Руській», а в 1914 г. – в «Украинський».

В 1895 г. было создано третье объединение иммигрантов восточнославянского происхождения – Русское православное католическое общество взаимопомощи (Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society). Это общество возникло по инициативе вышеупомянутого о. Товта и других перешедших в православие униатских священников (большой частью русинов). В отличие от двух вышеназванных организаций оно сразу же получило определенную административную поддержку со стороны руководства русской православной миссии и российских властей. Показательно, что первым председателем-кассиром общества стал А.Е. Оларовский – генеральный консул Российской империи в Нью-Йорке (Коханик 1915: 20). Общество также было основано по конфессиональному признаку и в дальнейшем стало основным выразителем пророссийских настроений в русинской диаспоре.

Сложно дать однозначный ответ на вопрос, насколько сильно религиозные споры повлияли на единство русинской диаспоры. С одной стороны, они, безусловно, нарушали ее единство, особенно учитывая то обстоятельство, что довольно часто при переходах униатских приходов в православие возникали споры о церковных зданиях и

другом приходском имуществе, причем дело доходило до судебных разбирательств. С другой стороны, в массе своей русины-униаты не противопоставляли себя русинам-православным (ведь обряд у них был практически одинаковым). На уровне интеллигенции (почти на сто процентов церковной) было как взаимное неприятие и отторжение, так и осознание национальной общности. Свою роль здесь, несомненно, играло принятое в американском обществе отношение к религии, как прежде всего к частной, а не политической сфере, которое проникало и в русинскую среду.

И со стороны Соединения русских греко-католических братств, и со стороны Русского православного кафеолического общества взаимопомощи периодически высказывались мысли о необходимости совместных действий. Православная газета «Свет» в конце 1890-х гг. с горечью писала: «Немало удалось бы сделать для американских русинов доброго и полезного, если <...> бы мы все были "одной думки" и сообща трудились для народного блага, как приказывает Бог и неложный патриотизм. При нынешнем же раздроблении наших сил, при путанице мыслей, понятий и задач; при делении на различные народности: греко-католическую, угорско-руснацкую, украинскую, малорусскую, галицко-лемковскую и пр. и кроме того еще на партии, не одно доброе начинание успело сгннуть еще не воплотившись в дело. Где сошлись три русина – там пять партий, народностей, литературных языков и без числа – задач...» (Американский православный вестник 1899).

Подводя итог, следует констатировать, что к концу XIX в. русинское сообщество в США явно обладало всеми признаками диаспоры, что сделало возможным его дальнейшее поступательное развитие. Русинам была присуща выраженная групповая идентичность. Для них также была характерна высокая социальная однородность – за первые десятилетия жизни за океаном среди русинов не сложилось ни светской интеллигенции, ни национальной буржуазии. Чрезвычайно важное место в жизни русинского сообщества занимали церковь и околицерковные организации. Это обстоятельство отличает русинов от таких иммигрантских групп Великой волны, как итальянцы или поляки, которые при всей значимости религии для национальной самоидентификации опирались также на богатую светскую культуру, и, наоборот, роднит их с восточноевропейскими евреями, для которых синагога была единственным центром не только духовной, но также культурной и социальной жизни.

В последующем в развитии русинской диаспоры в США сохранялись и углублялись многие тенденции, наметившиеся в последние десятилетия XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

Американский православный вестник 1899 - Американский православный вестник. 1899. № 4. С. 135.

Американский православный вестник 1914 - Американский православный вестник. 1914. № 10. С. 197.

Дятлов 1999 - *Дятлов В.И.* Диаспора: попытка определиться в термине и понятии // *Диаспоры*. 1999. № 2 – 3. С. 8–23.

Кичура 1943 - *Кичура С.* Карпаторусская эмиграция в США // *Славяне*. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1943. № 4. С. 25–28.

Матросов 1897 - *Матросов Е.Н. (граф Лелива)* Заокеанская Русь // *Исторический вестник*. 1897. Т. LXVII. Р. 478–517.

Коханик 1915 - *Коханик П.* Русское православное католическое общество взаимопомощи в Сев.-Американских Соединенных Штатах: к XX-летию юбилею. Нью-Йорк, 1915. 154 с.

Ручкин 2007 - *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М., 2007. 446 с.

Свистун 1970 - *Свистун Ф.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. Второе дополненное издание. Трамбл (Коннектикут), 1970. 645 с.

Тощенко, Чаптыкова 1996 - *Тощенко Ж.Т. Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // *Социс*. 1996. № 12. С. 33–42.

Филатов 1993 - *Филатов С.Б.* Католицизм в США, 60–80-е годы. М.: Наука, 1993.

Шевченко 2010 - *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. 414 с.

Barkan 2013 - *Pretelli M.* Italians and Italian-Americans, 1870–1940 // *Immigrants in American History: Arrival, Adaptation, and Integration* / Ed. by E.R. Barkan. ABC-CLIO, 2013. Vol. 1. P. 437–448.

Magocsi, Handlin, Novak 2004 - *Magocsi P.R., Handlin O., Novak M.* Our People: Carpatho-Rusyns and Their Descendants in North America. Multicultural History Society of Ontario, 2004. 269 p.

Olson, Olson 2010 - *Olson J.S., Olson Beal H.* The Ethnic Dimension in American History. John Wiley & Sons, 2010. 392 p.

Procko 1975 - *Procko B.P.* The Establishment of the Ruthenian Church in the United States, 1884–1907 // *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. 1975. Vol. 42, № 2. P. 136–154.

Shipman 1904 - *Shipman A.J.* Our Russian Catholics: the Greek Ruthenian Church in America // *The Messenger*. 1904. Vol. XLII. P. 575–576.

Volyansky 1912 - *Volyansky J.* Spomyny z davnokh lit // *Svoboda*. 1912. September 5. P. 4.

REFERENCES

- Amerikanskiy pravoslavnyy vestnik* [American Orthodox Messenger]. (1899) 4. p. 135.
- Amerikanskiy pravoslavnyy vestnik* [American Orthodox Messenger]. (1914) 10. p. 197.
- Dyatlov, V.I. (1999) Diaspora: popytka opredelit'sya v termine i ponyatii [Diaspora: an attempt to determine the terms and concepts]. *Diaspory*. 2–3. pp. 8–23.
- Kichura, S. (1943) Karpatorusskaya emigratsiya v SShA [Carpatho-Russian emigration to the United States]. *Slavyane. Ezhemesyachnyy zhurnal Vseslavyanskogo komiteta*. 4. pp. 25–28.
- Matrosov, E.N. (1897) Zaokeanskaya Rus' [The overseas Rus]. *Istoricheskiy vestnik*. LXVII. pp. 478–517.
- Kokhanikk, P. (1915) *Russkoe pravoslavnoe katolicheskoe obshchestvo vzaimopomoshchi v Sev-Amerikanskikh Soedinennykh Shtatakh: k 20-letnemu yubileyu* [Russian Orthodox and Catholic Mutual Aid Society in North-American United States: To the twentieth anniversary]. New York.
- Ruchkin, A.B. (2007) *Russkaya diaspora v Soedinennykh Shtatakh Ameriki v pervoy polovine XX veka* [The Russian diaspora in the United States in the early twentieth century]. Moscow: [s.n.].
- Svistun, F. (1970) *Prikarpatskaya Rus' pod vladeniem Avstrii* [Carpathian Rus under the possession of Austria]. 2nd ed. Tramb (CT): P.S. Gardyy.
- Toshchenko, Zh.T. & Chaptykova, T.I. (1996) Diaspora kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an object of sociological studies]. *Sotsis – Sociological Research*. 12. pp. 33–42.
- Filatov, S.B. (1993) *Katolitsizm v SShA, 60–80-e gody* [Catholicism in the United States in the 60th–80th]. Moscow: Nauka.
- Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX vv.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusyns in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: REGNUM.
- Pretelli, M. (2013) Italians and Italian-Americans, 1870–1940. In: Barkan, E.R. (ed.) *Immigrants in American History: Arrival, Adaptation, and Integration*. ABC-CLIO. pp. 437–448.
- Magocsi, P. R., Handlin, O. & Novak, M. (2004) *Our People: Carpatho-Rusyns and Their Descendants in North America*. Multicultural History Society of Ontario.
- Olson, J.S. & Olson, B.H. (2010) *The Ethnic Dimension in American History*. John Wiley & Sons.
- Procko, B.P. (1975) The Establishment of the Ruthenian Church in the United States, 1884–1907. *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. 42(2). pp. 136–154.
- Shipman, A.J. (1904) Our Russian Catholics: The Greek Ruthenian Church in America. *The Messenger*. XLII. pp. 575–576.
- Voliansky, J. (1912) Spomyny z davnokh lit. *Svoboda*. 5th September.

Акимов Юрий Германович – доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Akimov Yuri – St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: yga_sir@mail.ru

Минкова Кристина Владимировна – кандидат исторических наук, докторант кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Minkova Kristina – St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: kristina_minkova@mail.ru